Отдельные проблемы правового обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности в условиях санкций

Лабоськин Михаил Алексеевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, laboskin-ma@ranepa.ru

В статье рассматриваются проблемы защиты интересов участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в условиях расширения санкционных ограничений. В работе характеризуются основные виды санкционного воздействия, оценивается их влияние на международные экономические связи. Особе внимание уделено правовым проблемам, с которыми сталкиваются субъекты ВЭД в связи с применением санкционного режима. К ним относятся потребность в реализации ответных мер со стороны государства, риски оспаривания сделок в правовом поле, затруднения при проведении расчётов по контрактам, а также недостаточная развитость механизмов защиты субъектов ВЭД. кроме того, внимание уделено вопросам применения информационно коммуникационных технологий в условиях и организации внутреннего контроля в компаниях с целью соблюдения действующих ограничений.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, санкции, санкционное давление, безопасность внешнеэкономической деятельности, недружественные страны.

Введение

Внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) остаётся одним из главных факторов развития национальной экономики, позволяющая включать отечественные предприятия в международные производственные и логистические цепочки, а также обеспечивать доступ к необходимым технологическим ресурсам.

Однако трансформация системы международных отношений привела к инструментализации рестрикций: санкционный режим превратился из исключительной меры воздействия в системный фактор сдерживания. В период с февраля 2022 года по май 2026 года Европейский союз реализовал в отношении Российской Фелдерации 20 последовательных пакетов ограничительных мер, а совокупное количество введенных недружественными юрисдикциями барьеров превысило порог в 31 тысячу.

Под санкционным давлением понимается комплекс дискриминационных ограничений экономического, финансового и технологического характера, инициируемых иностранными государствами для принуждения суверенного актора к изменению его внешнеполитического курса. В данных обстоятельствах формирование устойчивого правового контура безопасности ВЭД становится императивом государственной политики. Именно нормативно-правовые механизмы выступают главным амортизатором экзогенных шоков, позволяя купировать риски блокирования активов и поддерживать функциональную устойчивость трансграничных транзакций.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования сформировали нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие контрсанкционную политику: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [2], Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств»[3] и распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (перечень недружественных государств)[6].

Методологический аппарат базируется на синтезе формально-юридического метода, сравнительно-правового анализа и системного подхода, что позволило декомпозировать взаимосвязи между законодательной динамикой и практическими вызовами субъектов международной торговли.

Литературный обзор

Научный дискурс вокруг адаптации российской экономики к внешнему давлению характеризуется высокой плотностью исследований.

Д. А. Федорук фокусируется на эволюции экспортно-импортного контроля и трансформации процессуального порядка разрешения споров с участием подсанкционных резидентов [8].

И. С. Каминский акцентирует внимание на институциональном вакууме — дефиците норм уголовного преследования за правонарушения в сфере обхода рестрикций, предлагая конкретные дескрипторы для модернизации Особенной части УК РФ [9].

Т.И. Абдреев исследует проблематику защиты имущественных интересов экспортеров и импортеров, выдвигая гипотезу о потенциале цифрового рубля как инструмента дедолларизации расчетов во внешней торговле [10].

И.А. Филиппова и А.Э. Кожемяко анализируют макроэкономические последствия изоляции и стратегические траектории обеспечения устойчивости национальной хозяйственной системы [11].

Результаты

Проведенный правовой аудит позволил верифицировать ряд структурных дисфункций в системе обеспечения безопасности ВЭД:

– нестабильность нормативно-правовой базы. Высокая частота корректировок контрсанкционного законодательства создает эффект регуляторной неопределенности, парализуя долгосрочное инвестиционное планирование корпоративных структур;

– институт недействительности сделок. Игнорирование предписаний антисанкционных указов Президента РФ влечет автоматическую ничтожность контрактов (ч. 2 ст. 168 ГК РФ[1]), даже при отсутствии прямого умысла сторон на нарушение закона;

– инфраструктурная изоляция финансов. Комплаенс-политики глобальных банков-корреспондентов приводят к фактической заморозке платежных потоков, делая исполнение обязательств технически неосуществимым;

– юрисдикционная асимметрия. Ограничение доступа к международному правосудию нивелирует эффективность международно-правовых инструментов взыскания убытков с контрагентов из недружественных стран;

– цифровая уязвимость. Экстерриториальный характер технологических санкций требует внедрения превентивных протоколов кибербезопасности и локализации IT-инфраструктуры;

– рост административной нагрузки. Рост административной нагрузки на участников ВЭД обусловлен необходимостью обеспечивать соответствие требованиям санкционного регулирования. Компании вынуждены направлять существенные трудовые и финансовые ресурсы на организацию контроля за соблюдением ограничительных мер, в том числе на проверку контрагентов, отслеживание обновлений санкционных списков и анализ условий сделок.

Обсуждение

Выявленные дисбалансы отражают противоречивый характер государственного регулирования ВЭД: защитные меры, призванные обеспечить устойчивость экономики, одновременно порождают дополнительные транзакционные издержки для бизнеса.

Применяемые государством протекционистские меры — ответные ограничения, особый порядок расчётов (Указы Президента РФ от 05.03.2022 № 95 [4], от 27.05.2022 № 322 [5]) и легализация параллельного импорта носят вынужденный характер и призваны минимизировать риски дестабилизации внешнеэкономической деятельности. Их правоприменительный эффект, однако, демонстрирует неоднозначные последствия.

С одной стороны, указанные инструменты позволяют сохранить работоспособность ключевых сегментов ВЭД. С другой – они порождают дополнительные барьеры для участников оборота: усложняются процедуры согласования сделок, удлиняются сроки исполнения обязательств, возрастают требования к внутреннему контролю. Такая динамика подтверждает двойственную природу текущего регулирования: защитные меры неизбежно трансформируются в дополнительные транзакционные издержки для бизнеса.

Отдельное внимание следует уделить стабилизации условий для инвесторов за счёт правовых гарантий неизменности ключевых параметров регулирования на среднесрочную перспективу;

– развитие международного сотрудничества. Важным направлением является участие в формировании альтернативных наднациональных правил торговли, заключение двусторонних соглашений об иммунитете государственных активов, а также координация позиций с партнёрами по ЕАЭС и БРИКС для согласованного противодействия одностороннему санкционному давлению;

– усиление процессуальной защищённости российских участников ВЭД. Перспективными мерами выступают развитие института антиисковых запретов в российской судебной практике, расширение использования арбитражей дружественных юрисдикций, а также упрощение процедур досудебного урегулирования коммерческих споров;

– корпоративная адаптация к новым условиям. На уровне хозяйствующих субъектов необходимо внедрять риск-ориентированный подход, цифровизировать процессы санкционного скрининга. Параллельно следует диверсифицировать географию поставок и развивать независимые элементы финансовой инфраструктуры.

Заключение

Экзогенное санкционное давление выступает существенным фактором трансформации системы внешнеэкономических связей. Преодоление обусловленной этим турбулентности возможно только при условии скоординированного взаимодействия государства и предпринимательского сообщества.

Основными элементами такой трансформации являются модернизация правовой базы с учётом реальных потребностей бизнеса, укрепление кооперации в рамках дружественных интеграционных объединений, усиление процессуальных гарантий для участников ВЭД, а также технологическое развитие комплаенс-инструментария. Реализация этих мер способна не только минимизировать негативные эффекты санкционного режима, но и создать предпосылки для повышения устойчивости и конкурентоспособности российского сектора ВЭД в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902021803?section=text (дата обращения: 10.06.2026).

3. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 24. – Ст. 3394.

4. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 (ред. от 01.06.2026) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» [Электронный ресурс] – Консультант Плюс. Справочно-правовая система – Режим доступа: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994 //(дата обращения: 10.06.2026).

5. Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 (ред. от 15.02.2024, с изм. от 20.05.2024) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» [Электронный ресурс] – Консультант Плюс. Справочно-правовая система – Режим доступа: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417818 /(дата обращения: 10.06.2026).

6. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «О перечне иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1748.

7. Евросоюз отменяет часть санкций против россиян [Электронный ресурс]. – URL: https://ura.news/news/1053075761 (дата обращения: 10.03.2026).

8. Федорук, Д. А. Правовое обеспечение внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных ограничений [Электронный ресурс] // Дневник науки. – 2026. – № 4. – URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Fedoruk2.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

9. Каминский, И. С. Необходимость развития уголовно-правового механизма в сфере внешнеэкономической деятельности в условиях введения экономических санкций [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. —– URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-razvitiya-ugolovno-pravovogo-mehanizma-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-vvedeniya-ekonomicheskih (дата обращения: 10.06.2026).

10. Абдреев, Т. И. Финансово-правовые аспекты реализации прав участников внешнеэкономической деятельности в условиях санкционного давления [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovye-aspekty-realizatsii-prav-uchastnikov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya (дата обращения: 10.06.2026).

11. Филиппова, И. А. Влияние санкций на экономическую безопасность России / И. А. Филиппова, А. Э. Кожемяко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 355-356. – URL: https://moluch.ru/archive/416/91945 (дата обращения: 10.06.2026).

Selected problems of legal support for foreign economic activities in the context of sanctions

Laboskin M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the problems of protecting the interests of participants in foreign economic activity (FEA) in the context of expanding sanctions restrictions. The paper characterizes the main types of sanctions and assesses their impact on international economic relations. Special attention is paid to the legal issues faced by FEA entities due to the application of the sanctions regime. These include the need for the state to implement retaliatory measures, the risks of challenging transactions in the legal field, difficulties in conducting payments under contracts, and the lack of developed mechanisms for protecting FEA entities. In addition, attention is paid to the use of information and communication technologies in the context of internal control in companies in order to comply with existing restrictions.

Keywords: foreign economic activity, sanctions, sanctions pressure, security of foreign economic activity, unfriendly countries

Referents

1. Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 10.03.2026).
2. Federal Law of 30.12.2006 No. 281-FZ "On Special Economic Measures and Coercive Measures" [Electronic resource]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902021803?section=text (date of access: 10.06.2026).
3. Federal Law of 04.06.2018 No. 127-FZ "On Measures of Influence (Counteraction) to Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 24. – Article 3394.
4. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 95 (as amended on June 1, 2026) "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Foreign Creditors" [Electronic resource] - Consultant Plus. Legal Reference System - Access mode: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994// (date of access: June 10, 2026).
5. Decree of the President of the Russian Federation of May 27, 2022 No. 322 (as amended on February 15, 2024, as amended on May 20, 2024) "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Copyright Holders" [Electronic resource] - Consultant Plus. Legal Reference System - Access mode: - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417818/ (accessed: June 10, 2026).
6. Order of the Government of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 430 r "On the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Article 1748.
7. The European Union lifts some sanctions against Russians [Electronic resource]. – URL: https://ura.news/news/1053075761 (accessed: 10.03.2026).
8. Fedoruk, D. A. Legal support for foreign economic activity under sanctions restrictions [Electronic resource] // Science Diary. – 2026. – No. 4. – URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Fedoruk2.pdf (accessed: 10.06.2026).
9. Kaminsky, I. S. The Need to Develop a Criminal-Law Mechanism in the Sphere of Foreign Economic Activity in the Context of the Introduction of Economic Sanctions [Electronic Resource] // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-razvitiya-ugolovno-pravovogo-mehanizma-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-vvedeniya-ekonomicheskih (date of access: 10.06.2026).
10. Abdreev, T. I. Financial and Legal Aspects of the Implementation of the Rights of Participants in Foreign Economic Activity in the Context of Sanctions Pressure [Electronic Resource] // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovye-aspekty-realizatsii-prav-uchastnikov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya (date of access: 10.06.2026).
11. Filippova, I. A. The Impact of Sanctions on Russia's Economic Security / I. A. Filippova, A. E. Kozhemyako. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – No. 21 (416). – P. 355-356. – URL: https://moluch.ru/archive/416/91945 (date of access: 10.06.2026).

«Ответный удар»: анти-анти-исковые запреты (anti-anti-suit injunctions) и запреты на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions): сравнительный анализ права Англии и Уэльса и США

Никоев Нерсес Гургенович
Аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Nikoev_n_g@my.mgimo.ru

В статье проводится сравнительный анализ анти-анти-исковых запретов (anti-anti-suit injunctions) и запретов на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions) в международном гражданском процессе и коммерческом арбитраже. На основе судебной практики Англии и Уэльса, а также США, автор исследует правовые основания, процессуальные предпосылки и пределы применения данных институтов, уделяя особое внимание балансу между принципом международной вежливости (comity) и защитой юрисдикции национального суда. Обосновывается вывод, что, несмотря на общее происхождение из системы общего права, подходы двух правопорядков демонстрируют существенные различия, обусловленные доктринальными установками и прагматическими соображениями процессуальной экономии.
Ключевые слова: анти-анти-исковой запрет, запрет на принудительное исполнение, международная подсудность, международная вежливость, международный коммерческий арбитраж, обеспечительные меры, сравнительное правоведение, право Англии и Уэльса, право США.

В условиях глобализации и возрастающей транснационализации коммерческих отношений проблемы параллельных судебных разбирательств и конфликтов юрисдикций приобрели особую остроту. Инструментарий общего права, традиционно богатый разнообразными видами судебных запретов (injunctions), предложил ряд средств для противодействия процессуальным злоупотреблениям. Классическим инструментом является антиисковый запрет (anti-suit injunction) - мера, посредством которой суд одной страны предписывает стороне, находящейся под его компетенцией, воздержаться от инициирования или продолжения разбирательства в суде иностранного государства. Как отмечается в доктрине, anti-suit injunction представляет собой «квинтэссенцию средства судебной защиты в праве справедливости», однако его применение традиционно вызывает критику со стороны судей и ученых стран континентального права, усматривающих в нем неоправданное вмешательство в суверенитет иностранного государства. Развитие процессуальной тактики привело к появлению ответных мер. Когда одна сторона получает в иностранном суде запрет на ведение процесса, противная сторона может обратиться в суд своей страны за запретом, который нейтрализует действие первого. Так возникли анти-анти-исковые запреты (anti-anti-suit injunctions) и запреты на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions). Хотя эти институты активно применяются в судебной практике Англии и Уэльса, их правовая природа и допустимые пределы использования остаются предметом оживленных дискуссий [1].

Цель этой работы состоит в сравнительном анализе подходов Англии и Уэльса, с одной стороны, и США, с другой, к регулированию указанных видов запретов.

Анти-анти-исковой запрет представляет собой средство судебной защиты, направленное против запрета на ведение процесса, уже выданного или запрашиваемого в иностранном суде. Как справедливо отмечается в юридической литературе, фундаментальное различие между anti-anti-suit injunction и anti-enforcement injunction заключается во временном аспекте: первый испрашивается в то время, как заявление о выдаче anti-suit injunction еще находится на рассмотрении иностранного суда, тогда как второй - уже после того, как такой запрет был выдан. Анти-анти-исковой запрет, таким образом, выполняет превентивную функцию, не позволяя процессуальному положению стороны в английском суде быть подорванным еще до того, как вопрос о юрисдикции будет окончательно разрешен.

Правовое основание для выдачи подобных запретов в Англии и Уэльсе традиционно усматривается в разделе 37 Senior Courts Act 1981. Дополнительную опору для подобной практики составляет раздел 25 Civil Jurisdiction and Judgments Act 1982, наделяющий английский суд полномочиями издавать обеспечительные меры в поддержку арбитража, даже если место нахождения арбитража находится за пределами Англии и Уэльса [2].

Знаковым в развитии института анти-анти-исковых запретов в Англии стало дело *IPCom GmbH & Co KG v Lenovo Technology* (EWHC 2019). Это был первый случай в практике английских судов, где был прямо рассмотрен и удовлетворен запрос о выдаче anti-anti-suit injunction. Суть спора сводилась к патентному конфликту между

немецкой компанией IPCom и Lenovo. Когда Lenovo обратилась в суд США с требованием выдать anti-suit injunction, запрещающий IPCom продолжать разбирательство в Англии, IPCom оперативно запросила у английского суда встречный запрет. Примечательно, что судья, рассматривавший данное дело, прямо признал, что, хотя основания для выдачи anti-anti-suit injunction в целом аналогичны основаниям для выдачи anti-suit injunction, первые представляют собой «большую опасность неправомерного вмешательства в ход иностранного судопроизводства». Тем не менее, суд счел, что запретить IPCom рассматривать вопрос о нарушении ее патентных прав в Англии было бы «обременительным и несправедливым» (vexatious and oppressive), и выдал искомый запрет. Анализ данного решения показывает, что английский суд руководствовался прежде всего принципом защиты собственной юрисдикции и недопущения процессуальной несправедливости в отношении стороны, добросовестно инициировавшей разбирательство в Англии.

Более радикальным инструментом, чем анти-анти-исковой запрет, является запрет на принудительное исполнение. Данная мера применяется уже на стадии, когда иностранное судопроизводство завершилось вынесением решения, и сторона пытается привести его в исполнение. Запрет на принудительное исполнение предписывает стороне воздержаться от любых действий по исполнению иностранного судебного акта, как правило, в отношении активов, находящихся на территории юрисдикции суда, издавшего такой запрет. В доктрине справедливо подчеркивается, что выдача anti-enforcement injunction — это «очень серьезный шаг», поскольку он непосредственно вторгается в сферу действия иностранного судебного акта [3, 4].

В праве Англии и Уэльса основания для выдачи anti-enforcement injunction не выделены в качестве особой категории, отличной от anti-suit injunction. Апелляционный суд в деле *SAS Institute Inc v World Programming Ltd* [2020] EWCA Civ 599 подтвердил, что «не существует самостоятельного юрисдикционного требования о том, что anti-enforcement injunction может быть выдан только в исключительном случае». Такие запреты выдаются редко, но это объясняется тем, что лишь в редких случаях выполняются условия, необходимые для выдачи любого судебного запрета, а не наличием дополнительного требования об исключительности.

Ключевые критерии, которые английский суд учитывает при рассмотрении заявления о выдаче anti-enforcement injunction, были детально проанализированы в деле *Ecobank Transnational Inc v Tanoh* [2015] EWCA Civ 1309. Суд, в частности, указал, что заявитель должен действовать без промедления: если сторона не обращалась за anti-suit injunction в ходе иностранного разбирательства, то после вынесения иностранным судом решения ей необходимо представить «веские причины» для оправдания своего бездействия. В качестве примеров таких причин суд привел ситуации, когда решение было получено слишком быстро или тайно, что не позволило своевременно обратиться за anti-suit injunction, либо когда имели место мошеннические действия ответчика. В деле *SAS Institute Inc v World Programming Ltd* [2020] английский суд столкнулся с уникальной ситуацией, когда американский суд вынес решение против английской компании WPL на сумму около 79 млн долларов. Английский суд отказал в признании и приведении в исполнение этого решения на территории Англии и Уэльса по ряду оснований, включая злоупотребление процессуальными правами и противоречие публичному порядку. Когда SAS попыталась обойти этот отказ, инициировав в Калифорнии процедуру принудительного исполнения в отношении требований WPL к своим клиентам в третьих странах, WPL обратилась в английский суд за anti-enforcement injunction [5].

Апелляционный суд Англии и Уэльса удовлетворил это заявление, но лишь в ограниченной части. Суд постановил, что запрет на принудительное исполнение не должен распространяться на активы, находящиеся на территории самих США, поскольку это было бы вторжением в американскую юрисдикцию, противоречащим принципу международной вежливости. Однако в отношении требований, возникших из договоров, содержащих арбитражные оговорки с местом арбитража в Лондоне или оговорки о подсудности в пользу английских судов, суд счел себя вправе вмешаться. Такие требования были признаны находящимися в Англии по праву места нахождения долга (*lex situs* of debt), что давало английскому суду «достаточный интерес» для защиты своей компетенции и выдачи запрета, препятствующего попыткам SAS принудительно взыскать эти средства через американский суд. Подобное решение представляет собой пример того, как доктрина территориальности принудительного исполнения и принцип защиты арбитражных соглашений могут служить обоснованием для выдачи такого дискуссионного судебного акта [6, 7].

Центральной проблемой, вокруг которой вращается дискуссия о допустимости анти-анти-исковых запретов и запретов на принудительное исполнение, является принцип международной вежливости (comity). Суды Англии и США признают, что выдача подобных запретов представляет собой вмешательство в юрисдикцию иностранного государства. Как отмечал Лорд Коллинз в деле *Masri v Consolidated Contractors International (UK) Ltd (No. 3)* [2008], «это, безусловно, очень серьезное дело для английского суда - выдавать запрет на принудительное исполнение в иностранном государстве решения суда этой страны».

В деле *Ecobank* Кристофер Кларк Лорд-судья подробно проанализировал содержание принципа вежливости, указав, что он не является «жестким правилом» и не сводится к простой вежливости. Суд должен принимать во внимание, что суды во всем мире отправляют правосудие в соответствии с применимым правом, и вмешательство в этот процесс должно быть оправдано весомыми причинами. В деле *SAS* Апелляционный суд подчеркнул, что «английский суд испытывает огромное уважение к работе иностранных судов, особенно в таких странах, как Соединенные Штаты, с которыми нас связывают общие традиции и основополагающие принципы». Вместе с тем, суд отметил, что принцип вежливости менее релевантен, когда действия иностранного суда нарушают нормы международного права, в частности, принцип территориальности принудительного исполнения. Существует также взаимосвязь между принципом вежливости и фактором задержки (delay). Как правило, чем больше промедление в обращении за запретом, тем дальше продвинулось иностранное разбирательство и тем более обоснованными становятся возражения иностранного суда против вмешательства. В деле *Ecobank* указывалось, что заявитель должен действовать незамедлительно, и обращение за запретом уже после вынесения решения иностранным судом, скорее всего, будет «неудачным» [8].

В отличие от Англии, где суды выработали достаточно детализированный подход к ограничениям, налагаемым принципом вежливости, в США практика является более фрагментированной. Как отмечается в доктрине, различные окружные апелляционные суды США придерживаются неодинаковых стандартов. Второй, третий и шестой округа следуют ограничительному подходу, допуская параллельные разбирательства и вмешиваясь лишь для защиты собственной юрисдикции или продвижения нацио-